

18+

Василий Попков

ТАЙНА ДВЕНАДЦАТОЙ КОМНАТЫ

Исторический детектив

Василий Попков

**Тайна двенадцатой комнаты.
Исторический детектив**

«Издательские решения»

Попков В.

Тайна двенадцатой комнаты. Исторический детектив /
В. Попков — «Издательские решения»,

Тихая, размеренная жизнь тверского архивиста Дмитрия Соболева заканчивается, когда среди описей 1941 года он обнаруживает таинственную запись. Собственное расследование приводит Дмитрия к шокирующей находке: в Путевом дворце спрятан личный манифест Екатерины Великой. Могущественные силы начинают охоту на архивиста и его соратников. Спасая свою жизнь, герои отправляются в опасное путешествие, чтобы собрать головоломку, оставленную императрицей. Ведь ключ к разгадке — не в бумагах, а в крови...

© Попков В.

© Издательские решения

Содержание

Тайна двенадцатой комнаты	6
Пролог	6
Глава 1. Опись	9
Глава 2. Микрофильм	20
Глава 3. Двенадцатая комната	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тайна двенадцатой комнаты Исторический детектив

Василий Попков

© Василий Попков, 2026

ISBN 978-5-0070-4628-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тайна двенадцатой комнаты

Пролог

Октябрь 1941 года. Город Калинин.

Ночь пахла гарью и сырой штукатуркой. Западный край неба вздрагивал бесшумными зарницами — фронт подошёл вплотную, и тяжёлые орудия репетировали похоронный марш для города.

В Императорском путевом дворце, в парадном двухсветном зале, где ещё вчера под брезентом спали беженцы, теперь метались тени. Люди в промасленных ватниках торопливо укладывали в фанерные ящики золочёные бра, малиновые штофные кресла, фарфоровых нимф и амуров. Спасали то, что ещё можно было спасти.

Иван Петрович Соболев, хранитель музейных фондов, сидел в углу на шатком венском стуле и перебирал старые описи. Ему было шестьдесят три, он помнил ещё тот, дореволюционный дворец — с газовыми рожками, скрипучими половицами и особенным запахом воска и лаванды, который теперь навсегда выветрился. Руки его дрожали не только от холода, но и от необъяснимой тревоги, поселившейся в груди с того самого дня, как он нашёл эту запись.

Он снова открыл пухлую тетрадь в кожаном переплёте — «Опись имущества, оставленного в покоях Ея Императорскаго Величества во время Высочайшаго пребывания в Твери. 1767 годъ». Пролистал до конца, туда, где чернила выцвели до бледной рыжины, а почерк менялся дважды. И увидел её снова:

«Ключъ отъ 12-й комнаты Е. И. В. — 1 шт. Мѣсто храненія: у образа Св. Екатерины, восточный флигель. Онѣй ключъ не изымать безъ особаго повелѣнія».

Ниже — приписка, сделанная, судя по наклону букв, уже в XIX веке, мелкая, почти стёртая: «Комнаты сей на планахъ нѣтъ. Искать тщетно».

Двенадцатая комната. В Путевом дворце их было одиннадцать. Одиннадцать покоев, предназначенных для отдыха императрицы и её свиты. Двенадцатой не существовало ни на одном архитектурном плане, ни в одной обмерной ведомости. Но она была. Иван Петрович чувствовал это костным мозгом, старым чутьём музейщика, который слышит фальшь в документе так же ясно, как музыкант — в нотах.

Он поднёс страницу к свету керосиновой лампы. В левом нижнем углу, там, где бумага пожелтела меньше всего, проступил едва заметный водяной знак — циркуль и наугольник, сплетённые вензелем «Е II». Массонский символ. Он видел такой однажды на старом надгробии в тверском некрополе, где покоился архитектор Никитин, строитель дворца.

Сердце пропустило удар. Иван Петрович медленно поднялся, прижимая к груди потрёпанный портфель с описью и своими записями. В восточном флигеле, в церкви Святой Великомученицы Екатерины, был образ — потемневшая икона в золочёном окладе. Он знал её с детства. И знал, что за ней — глухая стена.

Или не глухая?

— Иван Петрович.

Голос раздался от двери. Хранитель вздрогнул и обернулся.

В проёме стоял человек. Чёрное пальто, надвинутая на лоб шляпа, перчатки — весь он был как сгусток тьмы на фоне колеблющегося света лампы. Лица не видно, только холодный блеск глаз и значок на лацкане — двуглавый орёл с приспущенными крыльями. Такие Иван Петрович видел у людей из особого отдела, что наведывались во дворец в тридцать седьмом.

— Вы нам понадобятся, — произнёс человек ровно. — Пройдёмте.

Иван Петрович не двинулся с места. Его пальцы крепче сжали портфель.

— Я занят. Эвакуация.

— Эвакуация закончена. Вы поедете с нами.

Снаружи взвыла сирена воздушной тревоги. Где-то за Волгой ухнули зенитки, и стекла в зале тонко задребезжали. Город погружался в войну, и в этом грохоте Иван Петрович вдруг отчётливо понял: если он сейчас не сделает шаг — никто и никогда не узнает, что скрыто за образом Святой Екатерины. Что завещала потомкам императрица. И почему люди с такими значками приходят за старыми бумагами именно теперь, когда немцы на пороге.

— Я никуда не пойду, — сказал он тихо, но твёрдо.

Человек в пальто шагнул вперёд, и свет лампы выхватил его лицо — холёное, с тонкими губами, не обезображенное ни возрастом, ни эмоциями.

— Вы не понимаете, — сказал он почти ласково. — То, что вы ищете, должно остаться там, где лежит. История не терпит правды. Она предпочитает легенды. Отдайте записи, и вы доживёте до утра.

Вой сирены оборвался. Наступившая тишина показалась оглушительной. И в этой тишине Иван Петрович услышал, как в восточном флигеле, где никого не должно было быть, скрипнула половица.

Он рванулся в сторону, к узкой двери, ведущей в анфиладу, прижимая портфель к груди. За спиной щёлкнул взводимый курок.

— Стоять! — рявкнул человек.

Но Иван Петрович уже бежал — через тёмные залы, спотыкаясь о ящики, задыхаясь от страха и решимости. Он должен успеть. Должен найти ключ. Должен понять, что скрывала Екатерина за образом святой, чьё имя носила сама.

Впереди блеснул тусклый огонёк лампы у иконы.

Сзади гремели шаги.

Ключ от двенадцатой комнаты. Той, которой нет на планах.

Он успеет. Он обязан.

Или умрёт, пытаясь.

Глава 1. Описание

1. Утро архивиста

Октябрь в Твери пахнет прелой листвой, сыростью и — если ветер дует с Волги — едва уловимой речной тиной. Но в хранилище Тверского центра документации новейшей истории запахи были совсем другие: старая бумага, картонные коробки, слабый химический оттенок противопожарной пропитки стеллажей и вездесущая пыль — та особая архивная пыль, что состоит не столько из грязи, сколько из микроскопических частиц разрушающихся документов, проживших свою жизнь и теперь медленно, десятилетиями, превращающихся в ничто.

Дмитрий Соболев толкнул тяжелую бронированную дверь хранилища и шагнул внутрь. Автоматически отметил: лампа над третьим стеллажом снова мигает — надо сказать завхозу; вентилятор под потолком гудит чуть громче обычного; температура по ощущениям — градусов шестнадцать, не больше. Рука привычно скользнула по выключателю, и длинный ряд люминесцентных ламп зажужжал, заливая помещение мертвенно-белым светом.

Хранилище ТЦДНИ занимало три этажа семиэтажного здания на улице Вокзальной, 10 — типовой постройки 1976 года, рассчитанной ровно на миллион единиц хранения. Сейчас их было больше миллиона трехсот тысяч — архив трещал по швам, и руководство уже несколько лет обивало пороги областной администрации, выпрашивая новые площади. Пока безуспешно. Коробки громоздились на стеллажах в два ряда, проходы между ними сузились до разрешенных семидесяти сантиметров, и каждый раз, протискиваясь к нужной полке, Дмитрий чувствовал себя археологом, пробирающимся вглубь пирамиды.

Он прошел в дальний конец зала, где хранились фонды довоенного периода. Здесь было особенно тихо — этот сектор редко тревожили исследователи. Большинство посетителей ТЦДНИ искали документы о репрессиях, о партизанском движении, о послевоенном восстановлении области. Эвакуационные описи 1941 года интересовали разве что самых дотошных краеведов, да и те обычно ограничивались просмотром нескольких дел и уходили разочарованными: ничего сенсационного, скучная бухгалтерия войны.

Дмитрия эта «бухгалтерия» завораживала.

Он достал из ячейки очередную коробку — картонную, с выцветшей наклейкой «Ф. Р-136. Оп. 2. Д. 47—89. Эвакуация музейных ценностей. 1941 г.». Поставил на тележку, подкатил к своему рабочему столу в углу хранилища — старому, еще советскому, с лампой на гибкой ножке и потертой кожаной подушкой на стуле. Открыл крышку. Внутри, переложенные папиросной бумагой, лежали папки с делами — каждая прошита суровыми нитками, каждая с инвентарным номером и штампом «Калининский областной архив».

Дмитрий работал в ТЦДНИ пятый год. Пришел сразу после истфака Тверского государственного университета — не по призванию даже, а скорее по инерции. В школе увлекался историей, в университете писал курсовые по XVIII веку, мечтал о диссертации, о раскопках, о находках, которые перевернут науку. А потом жизнь внесла коррективы: умер отец, мать осталась одна, нужны были деньги. Вакансия в архиве подвернулась случайно — однокурсник сказал, что требуется сотрудник в отдел обеспечения сохранности. Дмитрий пошел, думая, что это временно, на год-два. Остался на пять лет.

Втянулся.

Архивная работа оказалась сродни медитации. Здесь не было суеты, не было дедлайнов, не было начальников, дышащих в затылок. Были только документы — миллионы листов бумаги, каждый из которых когда-то кто-то держал в руках, писал на нем, подшивал в дело, прятал в сейф, спасал от пожара или, наоборот, обрекал на забвение. Дмитрий любил это ощущение — быть последним звеном в длинной цепочке хранителей. Он не создавал историю, он ее сохранял. И это казалось ему делом не менее важным, чем написание монографий, которые прочтут два десятка специалистов.

Впрочем, иногда он ловил себя на мысли, что просто боится. Боится выйти из этой тихой гавани в большой мир, где нужно бороться за гранты, публиковаться в журналах, выступать на конференциях, доказывать свою состоятельность. Здесь, в хранилище, он был на своем месте. Никто не требовал от него подвигов. Никто не ждал, что он совершит открытие.

И, возможно, именно поэтому открытие само нашло его.

2. Дело №73

Дмитрий раскрыл папку с номером 73. Внутри лежали описи имущества, эвакуированного из Калининского областного краеведческого музея и — отдельным списком — из Императорского путевого дворца. Дворец к 1941 году уже не был императорским: после революции в нем размещался музей, а часть помещений занимали различные советские учреждения. Но для архивистов он по-прежнему оставался Путевым — с большой буквы, как писали в старых документах.

Дмитрий пробежал глазами по строкам. Почерк у эвакуационной комиссии был разный: сначала писал один человек — аккуратно, с нажимом, выводя каждую букву; потом другой — торопливо, с пропусками гласных, словно боялся не успеть. Третий почерк появлялся только в самом конце описи, на дополнительных листах, и был он странный — мелкий, бисерный, почти каллиграфический, совсем не похожий на скоропись военного времени.

«Стулья с малиновой обивкой — 24 шт. — эвакуированы 12.10.41».

«Зеркала в золоченых рамах — 4 шт. — эвакуированы 12.10.41».

«Картина „Портрет императрицы Екатерины II“ кисти неизвестного художника — 1 шт. — эвакуирована 12.10.41».

«Ключ от 12-й комнаты Е. И. В. — 1 шт. — место хранения: у образа Св. Екатерины, восточный флигель. Онный ключ не изымать без особого повеления».

Дмитрий замер.

Он перечитал строку еще раз, потом еще. Что-то было не так. Во-первых, все остальные пункты описи имели отметку об эвакуации — дату, номер вагона или ящика, подпись принявшего. Эта строка не имела ничего. Только слова «не изымать» — и все. Во-вторых, сама фор-

мулировка резала глаз: «Онй ключ не изымать без особого повеления». Так не писали в 1941 году. Так писали в XVIII веке.

Он поднес страницу к свету лампы. Бумага была старая, пожелтевшая, не такая, как остальные листы в деле. Те были стандартными — сероватыми, шершавыми, военного времени, когда экономили на всем, включая качество целлюлозы. А этот лист — плотный, с едва заметными вержерами, какие делали на старых мануфактурах. И чернила другие: не фиолетовые советские, а коричневатые, выцветшие до рыжины — железо-галловые, которыми писали в XVIII—XIX веках.

Дмитрий откинулся на спинку стула. Сердце стучало чаще обычного — профессиональное чутье архивиста, которое вырабатывается годами работы с документами, подало сигнал. Это был не просто странный пункт в описи. Это был анахронизм. Документ, которого здесь быть не должно.

Он снова склонился над листом, изучая каждую букву. Почерк действительно отличался от двух предыдущих. Первый — принадлежал, судя по сохранившимся в деле приказам, старшему научному сотруднику Дюковой Н. Ф., работавшей в архиве с 1922 года. Второй — вероятно, директору архива Кустову В. Н., подписывавшему большинство эвакуационных актов. А третий... третий был совсем чужой. Слишком изящный, слишком старомодный, с характерными завитками на заглавных буквах и длинными хвостами у «д» и «у». Так писали люди, учившиеся грамоте по церковным книгам в XIX веке.

Дмитрий достал из ящика стола лупу с подсветкой — старую, еще дедовскую, но отличного качества — и принялся изучать лист сантиметр за сантиметром. В левом нижнем углу он заметил то, что сначала принял за дефект бумаги — небольшое утолщение, словно капля воды попала на лист и высохла. Но под лупой утолщение превратилось в едва различимый водяной знак.

Циркуль и наугольник, сплетенные вензелем «Е II».

Дмитрий почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он знал этот символ. Масонский. Циркуль и наугольник — главные атрибуты вольных каменщиков, символизирующие способность ограничивать свои действия рамками морального закона. А вензель «Е II» мог означать только одно — Екатерина Вторая, императрица, которая в начале своего правления симпатизировала масонским идеям и даже состояла в переписке с некоторыми видными масонами Европы, хотя позже, напуганная Французской революцией, начала гонения на ложи.

Но что масонский знак с вензелем Екатерины делает на листе, вшитом в эвакуационную опись 1941 года?

Дмитрий отложил лупу и потер глаза. Нужно было успокоиться и мыслить рационально. Возможно, лист просто попал в дело по ошибке. Архивы в войну эвакуировали в спешке, документы путали, подшивали не глядя. В конце концов, комиссия по отбору материалов к эвакуации работала в условиях постоянных бомбежек и приближающегося фронта. Какая уж тут аккуратность.

Но что-то не давало ему покоя.

Фраза «Ключ от 12-й комнаты». Двенадцатая комната. Дмитрий бывал в Путевом дворце множество раз — и как посетитель, и как исследователь. Он знал его планировку: центральный корпус с парадным двухсветным залом, западный флигель, восточный флигель, церковь Святой Великомученицы Екатерины — крестообразный в плане павильон, примыкающий к восточному флигелю. Покои императрицы располагались именно в восточной части дворца — это было известно из мемуаров и архивных документов. Но сколько всего комнат было в этих покоях?

Он попытался вспомнить. Одиннадцать. Точно, одиннадцать. В описях XVIII—XIX веков всегда фигурировало одиннадцать комнат, отведенных для императрицы и ее ближайшей свиты. Двенадцатая нигде не упоминалась.

Дмитрий встал и подошел к стеллажу с краеведческой литературой, которую архив хранил для служебного пользования. Нашел путеводитель по Путевому дворцу издания 1987 года, пролистал до плана здания. Так и есть: восточный флигель — одиннадцать помещений. Центральный корпус — залы, вестибюль, лестницы. Западный флигель — служебные комнаты, позже переданные историческому музею. Никакой двенадцатой комнаты.

Тогда что за ключ хранился у образа Святой Екатерины? И почему его нельзя было «изымать без особого повеления»?

Он вернулся к столу, снял трубку внутреннего телефона и набрал номер директора.

3. Директор

— Наталья Арнольдовна, вы заняты?

Директор Тверского центра документов новейшей истории Наталья Арнольдовна Руф подняла глаза от бумаг. Ей было около сорока пяти — возраст, когда опыт уже перевешивает амбиции, но энергия еще не иссякла. Она руководила ТЦДНИ с 2011 года, и за это время архив превратился из пыльного хранилища партийных документов в современное учреждение с электронными каталогами и активной выставочной деятельностью. Сотрудники ее уважали и немного побаивались — за прямоту, за требовательность, за умение видеть людей насквозь.

— Для тебя, Дима, всегда свободна. Что случилось?

Дмитрий положил перед ней папку, раскрытую на нужной странице.

— Вот. Дело №73 из фонда Р-136. Эвакуационная опись имущества Путевого дворца. Посмотрите на эту строку.

Наталья Арнольдовна надела очки и склонилась над документом. Читала она быстро, но внимательно — сказывалась многолетняя привычка работать с сотнями страниц в день. Дойдя до странной записи, она остановилась и перечитала ее дважды.

— «Ключ от 12-й комнаты», — произнесла она вслух. — «Не изымать без особого повеления». Интересно.

— И это еще не все. Посмотрите на бумагу и чернила. И на водяной знак.

Она достала из ящика стола свою лупу — более мощную, чем у Дмитрия — и принялась изучать лист. Через минуту отложила инструмент и сняла очки.

— Бумага XVIII века. Чернила железо-галловые, характерные для того же периода. Почерк — скоропись, но не военного времени, а гораздо более ранняя. Водяной знак — масонский символ с вензелем Екатерины. Дмитрий, ты понимаешь, что это такое?

— Анахронизм, — ответил он. — Документ, которого здесь быть не должно.

— Именно. Вопрос: как он сюда попал? И главное — зачем?

Они помолчали. За окном кабинета шумела Вокзальная улица — машины, редкие прохожие, спешащие по своим делам. Обычная жизнь обычного города. А здесь, в тишине кабинета, лежал клочок бумаги, который мог оказаться ключом к тайне двухсотпятидесятилетней давности.

— Что вы об этом думаете? — спросил Дмитрий.

Наталья Арнольдовна задумчиво побарабанила пальцами по столу.

— Я думаю, что нам нужно поднять все документы по эвакуации 1941 года, касающиеся Путевого дворца. Абсолютно все — описи, акты, переписку, докладные записки. И я думаю, что тебе, Дима, стоит съездить во дворец и поговорить с тамошними реставраторами. Они сейчас как раз работают в восточном флигеле. Возможно, кто-то из них знает о «двенадцатой комнате» больше, чем написано в официальных документах.

— Думаете, это не просто ошибка?

Директор посмотрела на него поверх очков.

— В нашей работе, Дима, ошибки случаются часто. Но ошибки не выглядят так... нарочито. Этот лист вшит в дело не случайно. Кто-то хотел, чтобы его нашли. Или, наоборот, спрятал его там, надеясь, что никто и никогда не обратит внимания. В любом случае, это стоит проверить.

Она захлопнула папку и протянула ее Дмитрию.

— Иди. И будь осторожен.

— В смысле?

Наталья Арнольдовна помедлила, словно решая, стоит ли говорить.

— Знаешь, Дима, я работаю с архивами двадцать лет. И за это время усвоила одну вещь: некоторые документы лучше не находить. Не потому, что они опасны сами по себе. А потому, что есть люди, которые очень не хотят, чтобы их нашли. Понимаешь?

Дмитрий кивнул, хотя не вполне понял, что она имеет в виду. В тот момент слова директора показались ему обычной архивной байкой — из тех, что любят рассказывать старые сотрудники молодым, чтобы придать значимости своей работе. Он еще не знал, что через несколько дней вспомнит этот разговор совсем в другом контексте.

4. Путевой дворец

Тверской Императорский путевой дворец стоял на Соборной площади, между Советской улицей и Волгой, уже двести пятьдесят лет. Он пережил пожары, перестройки, революцию, войну, запустение и возрождение. Сейчас в нем размещалась областная картинная галерея и исторический музей, а часть помещений находилась на реставрации.

Дмитрий прошел через арку главного входа и оказался в парадном дворе — курдонере, образованном центральным корпусом и двумя выступающими флигелями. П-образная планировка дворца, так называемый «покой», была характерна для русской архитектуры XVIII века и символизировала гостеприимство — хозяин словно раскрывал объятия гостю, въезжающему во двор.

Вестибюль встретил его прохладой и гулом шагов по мраморному полу. Справа — широкая парадная лестница, ведущая в двухсветный зал. Слева — дверь в служебные помещения. Дмитрий знал, что восточный флигель находится дальше, за анфиладой залов, и что попасть туда с улицы нельзя — только через главное здание.

Он подошел к охраннику и объяснил, что ему нужна Анна Калинина, реставратор. Охранник лениво кивнул и указал на лестницу:

— Второй этаж, направо, до конца коридора. Там мастерская.

Анну он нашел в небольшом помещении, заставленном столами, заваленными инструментами, банками с лаками и клеями, рулонами холста и фрагментами лепнины. Она стояла спиной к двери, склонившись над каким-то деревянным фрагментом, и не слышала его шагов.

— Анна?

Она обернулась. Дмитрий увидел лицо, которое не вязалось с его представлением о типичном музейном работнике. Анне было лет двадцать восемь, у нее были темные волосы, собранные в небрежный пучок, острые скулы и глаза — серые, внимательные, с искоркой любопытства. На ней был рабочий халат, перепачканный чем-то белым, и перчатки с обрезанными пальцами.

— Вы Дмитрий? Наталья Арнольдовна звонила, предупредила, что вы придете. — Она стянула перчатки и протянула руку. — Анна. Можно просто Аня.

— Дмитрий. Соболев.

— Знаю. Вы тот самый архивист, который нашел странную опись.

— Уже доложили?

— У нас во дворце новости расходятся быстрее, чем в интернете. — Она улыбнулась. — Пойдемте, покажу вам восточный флигель. Вернее, то, что от него осталось после советской власти.

5. Восточный флигель

Они прошли через анфиладу залов — пустых, гулких, с зачехленными люстрами и заколоченными окнами. Дворец готовился к масштабной реставрации, и многие помещения были закрыты для посетителей. Анна вела его уверенно, сворачивая в неприметные коридоры, отпирая двери связкой ключей, которую носила на поясе.

— Восточный флигель, — сказала она, останавливаясь перед массивной дубовой дверью. — Изначально здесь были личные покои Екатерины II. Одиннадцать комнат: спальня, кабинет, будуар, малая гостиная, большая гостиная, столовая, библиотека, гардеробная, комната для фрейлин, ванная и молельня.

— Одиннадцать, — повторил Дмитрий. — А двенадцатая?

Анна посмотрела на него с интересом.

— Вот об этом и речь. В официальных планах двенадцатой комнаты нет. Но есть легенда.

Она открыла дверь, и они вошли в длинный коридор, по обе стороны которого располагались двери. Стены здесь были очищены от поздней штукатурки, обнажая старую кирпичную кладку. Пахло известью и сыростью. Где-то капала вода.

— Какая легенда? — спросил Дмитрий.

— О двенадцатой комнате императрицы. Якобы Екатерина, останавливаясь в Твери, требовала, чтобы для нее готовили не одиннадцать покоев, а двенадцать. Причем двенадцатая комната не была обозначена на планах, и ключ от нее хранился лично у императрицы или у самого доверенного из ее слуг. Что там находилось — никто не знает. Одни говорят — потайная молельня. Другие — комната для тайных встреч. Третьи — хранилище секретных документов.

— И вы в это верите?

— Я реставратор, Дмитрий. Я верю в то, что вижу. А вижу я, что планировка восточного флигеля имеет одну странность. Смотрите.

Она подвела его к глухой стене в конце коридора. Стена была кирпичная, старая, но кладка в одном месте заметно отличалась — кирпичи были чуть светлее, швы между ними чуть шире.

— Здесь что-то заложено, — сказала Анна. — Мы обнаружили это, когда снимали штукатурку. И это не единственная странность. Посмотрите сюда.

Она указала на небольшое углубление в стене — нишу, явно вырубленную в кирпиче уже после постройки.

— След от дверной петли, — пояснила она. — Здесь когда-то была дверь. А теперь ее нет. Кто-то намеренно заложил проход.

Дмитрий подошел ближе, провел рукой по кладке. Кирпичи были холодными и чуть влажными. Он попытался представить, что скрывается за ними — комната, коридор, лестница? И главное — почему кто-то двести лет назад решил спрятать это помещение от посторонних глаз?

— А что за образом Святой Екатерины? — спросил он. — В описи сказано, что ключ хранился там.

— Церковь Великомученицы Екатерины, — кивнула Анна. — Это отдельный павильон, примыкающий к восточному флигелю. Крестообразный в плане, с иконостасом работы Боровиковского. Там действительно есть образ Святой Екатерины — большой, в золоченом окладе. Но я не знаю, хранился ли за ним какой-то ключ. Чтобы это проверить, нужно специальное разрешение — икона является музейным предметом, ее нельзя просто так снимать.

— А если получить разрешение?

Анна усмехнулась.

— Вы не знаете нашу бюрократию. Это займет месяцы. Но есть другой способ.

Она достала из кармана телефон и показала ему фотографию.

— Это снимок, сделанный во время предыдущей реставрации в 1970-х. Видите?

На фотографии была икона Святой Екатерины. Но снята она была сбоку, под углом, и в просвете между окладом и стеной угадывалось небольшое углубление — ниша, явно рукотворная.

— Там что-то есть, — сказала Анна. — Я не знаю, ключ это или что-то другое. Но ниша существует. И она пуста.

— Пуста?

— На фотографии видно, что внутри ничего нет. Возможно, ключ изъяли раньше. Или его там никогда и не было.

Дмитрий задумался. Если ключа нет, то и открыть заложенную дверь они не смогут. Но, может быть, ключ — это не обязательно физический предмет. Может быть, это метафора, указание на что-то другое?

— Мне нужно увидеть оригиналы описей, — сказал он. — Не только ту, что я нашел, но и все остальные документы по дворцу, какие есть в вашем музее. И еще — старые фотографии, планы, чертежи. Все, что может пролить свет на эту загадку.

Анна кивнула.

— Приходите завтра. Я подготовлю все, что у нас есть.

6. Тени прошлого

Дмитрий вышел из дворца, когда уже смеркалось. Октябрьский день в Твери короток — солнце садится рано, и к шести вечера город погружается в сизые сумерки. Он постоял на ступенях, вдыхая холодный воздух, пахнувший Волгой и прелой листвой. В голове крутились обрывки мыслей: одиннадцать комнат, двенадцатая, заложенная дверь, масонский знак, ключ, которого нет в нише.

Он не заметил, как за ним начали наблюдать.

Черный внедорожник с тонированными стеклами стоял на противоположной стороне Соборной площади, уткнувшись носом в арку старинного здания. Внутри сидели двое. Один — водитель, молодой парень с короткой стрижкой и бегающими глазами. Второй — мужчина лет пятидесяти, с тяжелым лицом и седыми висками, одетый в дорожное пальто. Полковник Градов, хотя в отставке он предпочитал, чтобы его называли просто Виктор Сергеевич.

— Объект вышел, — сказал водитель, не поворачивая головы.

Градов поднес к глазам бинокль.

— Соболев Дмитрий Андреевич, тридцать лет, архивист ТЦДНИ, — произнес он, словно читая невидимую карточку. — Холост, проживает на улице Горького, дом 17, квартира 42. В архиве пять лет. Ничем не примечателен.

— Тогда зачем мы за ним следим?

Градов опустил бинокль.

— Потому что он нашел то, что не должен был найти. И потому что он только что разговаривал с реставратором Калининой, которая слишком любопытна для своего возраста.

— И что нам делать?

— Пока ничего. Наблюдать. Если он продолжит копать — доложим Куратору. А там видно будет.

Водитель кивнул и завел двигатель. Внедорожник мягко тронулся с места и покатил за Дмитрием, держась на почтительном расстоянии.

7. Ночные размышления

Дмитрий вернулся домой около восьми. Квартира встретила его тишиной и запахом одиночества — он так и не привык к тому, что после смерти матери живет один. Снял пальто, бро-

сил ключи на тумбочку, прошел на кухню. Поставил чайник, достал из холодильника остатки вчерашнего ужина.

Пока грелась вода, он включил ноутбук и открыл фотографии, сделанные в архиве. Увеличил странную запись, снова вчитался в каждое слово. «Ключ от 12-й комнаты Е. И. В. — 1 шт. — место хранения: у образа Св. Екатерины, восточный флигель. Онный ключ не изымать без особого повеления».

Что-то в этой фразе не давало ему покоя. Не только содержание, но и форма. Слишком старомодная, слишком церемонная для документа 1941 года. И эта приписка «Онный ключ не изымать» — словно предупреждение тому, кто найдет запись. Предупреждение или... инструкция?

Он переключился на другие документы, которые успел сфотографировать в ТЦДНИ перед уходом. Среди них была копия приказа о создании комиссии по эвакуации музейных ценностей от 25 июля 1941 года. В состав комиссии входили три человека: директор архива Кустов, старший научный сотрудник Дюкова и научный сотрудник Зайцев. И еще один человек, не указанный в приказе, но чья подпись стояла на некоторых актах — некто «Соболев И. П.».

Дмитрий замер.

Соболев. Его собственная фамилия.

Он знал, что его дед, Иван Петрович Соболев, работал в Калининском областном архиве до войны. Знал, что он пропал без вести в октябре 1941 года — как раз в те дни, когда немцы подходили к городу, а архив в спешке эвакуировали. Семейная легенда гласила, что дед погиб во время бомбежки, но тело так и не нашли.

Дмитрий никогда не придавал этой истории особого значения. Мало ли людей пропало в войну? Но теперь, глядя на подпись «Соболев И. П.» под актом о передаче музейных ценностей, он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Его дед держал в руках эту самую опись. Его дед, возможно, видел странную запись о двенадцатой комнате. И его дед исчез через несколько дней после того, как эта опись была составлена.

Совпадение? Дмитрий не верил в совпадения.

Он встал, прошелся по кухне, потом вернулся к ноутбуку и начал искать в интернете все, что можно было найти о судьбе архивистов Калинина в 1941 году. Информации было мало, но кое-что нашлось: упоминание о том, что часть документов областного архива была уничтожена во время бомбежки 13 октября 1941 года, за день до входа немецких войск в город. Что некоторые сотрудники архива были эвакуированы вместе с документами, а некоторые остались в городе и пропали без вести. Что после войны проводилось расследование, но его результаты засекретили.

Закрыв ноутбук, Дмитрий долго сидел в темноте, глядя на огни города за окном. Он думал о деде, которого никогда не знал. О двенадцатой комнате, которой не было на планах.

О ключе, который кто-то спрятал, а кто-то искал восемьдесят лет назад — и, возможно, ищет до сих пор.

Он еще не знал, что его собственная охота за ключом только началась. И что люди, которые следили за ним с Соборной площади, не остановятся, пока не получат то, что хотят. Или пока он не перестанет быть помехой.

Где-то далеко, за Волгой, прогудел тепловоз — долгий, тоскливый звук, похожий на стон. Дмитрий вздрогнул и задернул шторы. Ночь вступала в свои права, а вместе с ней приходило смутное, тревожное чувство, что его жизнь уже никогда не будет прежней.

Он лег спать, но еще долго ворочался, глядя в потолок и прокручивая в голове одни и те же вопросы. Кто вшил старинный лист в дело 1941 года? Что скрывается за заложенной дверью в восточном флигеле? И главное — какую роль во всей этой истории сыграл его дед, Иван Петрович Соболев, архивист, пропавший без вести в октябре сорок первого?

Ответов не было. Было только предчувствие, что завтрашний день принесет новые загадки. И, возможно, новые опасности.

Дмитрий закрыл глаза и провалился в беспокойный сон, в котором он шел по бесконечному коридору Путевого дворца, открывал одну дверь за другой, но за каждой оказывалась глухая стена. А где-то впереди, в самой глубине коридора, кто-то звал его по имени — тихо, едва слышно, голосом, похожим на шорох старых страниц.

Глава 2. Микрофильм

1. Утро в хранилище

Вторник начался для Дмитрия Соболева с неожиданного известия: в ТЦДНИ приехала бригада из компании «Инновационные технологии», выигравшей областной тендер на микрофильмирование особо ценных документов.

— Дима, ты у нас главный по фонду Р-136, — сказала Наталья Арнольдовна Руф, заглянув в читальный зал. — Покажешь девочкам, что снимать в первую очередь. Они уже в цоколе, разворачивают аппаратуру.

Дмитрий кивнул и отложил папку с делом №73, которую изучал с самого утра. Вчерашняя находка не давала ему покоя: он снова и снова возвращался к странной записи о двенадцатой комнате, пытаясь понять, кто и зачем вшил лист XVIII века в эвакуационную опись 1941 года. Но сейчас нужно было заниматься текущей работой. Тайны тайнами, а план по микрофильмированию никто не отменял.

Цокольный этаж ТЦДНИ представлял собой лабиринт узких коридоров, заставленных старыми стеллажами и списанным оборудованием. В дальнем конце, где когда-то располагалась фотолаборатория партархива, теперь гудели вентиляторы и мигали индикаторы современной техники. Две женщины в синих рабочих халатах распаковывали картонные коробки с логотипом «ИнноТех» — стилизованной надписью, вписанной в песочные часы.

— Здравствуйте, — сказал Дмитрий, останавливаясь в дверях. — Я Дмитрий Соболев, архивист. Мне сказали, вам нужна помощь с отбором документов.

Женщина постарше, лет сорока пяти, с короткой стрижкой и усталыми глазами, обернулась первой.

— Ольга Степановна, руководитель группы, — представилась она. — А это Настя, наш оператор. — Она кивнула в сторону напарницы. — Будем снимать ваши сокровища.

Настя — вернее, Анастасия Радостева, как значилось на бейдже, приколотом к халату, — подняла голову от коробки с кабелями. Ей было лет двадцать пять, темные волосы собраны в тугой хвост. Взгляд у нее был цепкий, внимательный — такой бывает у людей, привыкших работать с мелкими деталями.

— Доброе утро, — сказала она и улыбнулась. Улыбка получилась чуть смущенной, но искренней. — Извините за беспорядок, мы только разворачиваемся.

— Ничего страшного, — ответил Дмитрий. — Я слышал о вашей компании. Вы уже работали с архивами?

— В основном с муниципальными и краевыми, — ответила Ольга Степановна. — Ханты-Мансийск, Пермь, гражданская защита.

Анастасия тем временем уже склонилась над аппаратом, который занимал почти половину комнаты. Это была немецкая система микрофильмирования Zeutschel, или «зайка», как называли ее профессионалы. Это была машина традиционного фотографического микрофильмирования.

— У вас ОК-401? — спросил Дмитрий, разглядывая оборудование. — Я читал о таких системах. Говорят, они позволяют снимать до 30 кадров в минуту.

— Да, если документы однотипные, — поправила Анастасия, не отрываясь от настройки. — Но мы работаем медленнее. Архивные документы требуют особой осторожности. Угол освещения, контрастность, подавление фона — все нужно выставлять индивидуально. Особенно для старых бумаг с угасающим текстом. Технология оптического микрофильмирования тем и хороша: можно получать юридически значимые документы.

Она говорила о работе с той особой увлеченностью, которая свойственна людям, нашедшим свое призвание. Дмитрий невольно залюбовался тем, как ловко она управляется с аппаратурой — пальцы двигались по сенсорной панели с уверенностью пианиста.

— Настя у нас лучшая, — заметила Ольга Степановна, перехватив его взгляд. — Между прочим, документовед по образованию. Могла бы в IT сидеть, зарплату в пять раз больше получать, а она — в архивы, в пыль.

— В IT скучно, — отозвалась Анастасия, не оборачиваясь. — Там все абстрактное. А здесь — живая история. Каждый документ пахнет временем.

Дмитрий усмехнулся про себя. Он и сам когда-то думал так же.

2. Отбор документов

— Итак, что будем снимать в первую очередь? — спросила Ольга Степановна.

Дмитрий достал из папки заранее подготовленный список.

— Фонд Р-136. Эвакуационные описи 1941 года. Особо ценные документы по истории Калинина в период Великой Отечественной. Состояние разное: есть бумага хорошей сохранности, есть — на грани рассыпания. Последние я бы рекомендовал снимать в первую очередь, пока они совсем не пришли в негодность.

— Разумно, — кивнула Ольга Степановна. — Настя, слышишь? Начинаем с самых ветхих.

— Принято.

Дмитрий подошел к стеллажу, который он заранее подготовил для съемки, и начал перекладывать коробки на тележку. Дело №73, с загадочной записью о двенадцатой комнате, он тоже включил в список — не столько потому, что оно требовало срочного микрофильмирования, сколько из желания иметь копию странного листа. В конце концов, если документ содержит тайну, лучше зафиксировать его во всех возможных форматах.

— Вот первые тридцать дел, — сказал он, подкатывая тележку к аппарату. — Я буду рядом, если понадобится. Мой кабинет на втором этаже, но я могу остаться здесь, чтобы следить за сохранностью оригиналов.

— Оставайтесь, — неожиданно сказала Анастасия. Мне будет спокойнее, если архивист рядом. Все-таки ваши документы, вы их лучше знаете.

Ольга Степановна пожала плечами и вышла — у нее были еще дела в другом конце здания, нужно было согласовать график работы с администрацией. Дмитрий и Анастасия остались вдвоем в полутемной комнате, освещенной только лампами микрофильмирующей машины и мониторами.

— Начнем? — спросила она.

— Начнем.

3. Процесс

Работа оператора микрофильмирования, как вскоре понял Дмитрий, была сродни медитации. Анастасия брала очередной лист, укладывала его на предметный стол машины, выравнивала по меткам, проверяла настройки экспозиции и контрастности, нажимала кнопку. Машина издавала тихий щелчок, и изображение попадало на микроплёнку. Потом цикл повторялся.

— Какая частота съемки? — спросил Дмитрий, чтобы нарушить молчание.

— Около ста двадцати кадров в час при ручной подаче, — ответила Анастасия, не отрываясь от работы. — Если бы документы были стандартного формата и в хорошем состоянии, можно было бы быстрее. Но ваши — каждый со своим характером. Этот, например, — она указала на пожелтевший лист с рваными краями, — требует особого режима. Бумага слишком тонкая, текст просвечивает с обратной стороны. Приходится ставить черную подложку и увеличивать контраст.

— Вы хорошо разбираетесь в старой бумаге.

— Пришлось научиться. В архивах, с которыми мы работали, были фонды XVIII—XIX веков. Там каждая книга — загадка. То водяные знаки проступают, то маргиналии на полях, то в переплетах что-то спрятано. Один раз нашли письмо Державина, заложенное между страницами какого-то богословского трактата. Представляете?

Дмитрий представил. В его собственной практике тоже случались находки — не такие громкие, но все же волнующие. Архивная работа вообще полна сюрпризов для тех, кто умеет смотреть.

— А вы давно в архиве? — спросила Анастасия.

— Пятый год.

— И не скучно?

— Нет. Здесь каждый день — как детектив. Только очень медленный.

Она улыбнулась, не поднимая глаз от монитора.

— Понимаю. У нас та же история. Казалось бы, что интересного — сидишь и снимаешь старые бумажки. А потом вдруг видишь то, что никто не замечал десятилетиями.

Через полтора часа монотонной работы они добрались до дела №73. Дмитрий внутренне напрягся, когда Анастасия открыла папку и начала перекладывать листы на предметный стол. Он не сказал ей о своей находке — не хотел, чтобы она отвлекалась или, того хуже, начала задавать вопросы, на которые у него пока не было ответов. Но когда ее пальцы коснулись «странного» листа — плотного, с вержерами, исписанного старинной скорописью, — он невольно затаил дыхание.

Анастасия уложила лист на рабочий стол, выровняла, настроила экспозицию. Под прижимным стеклом были видны выцветшие коричневые чернила, характерные завитки заглавных букв. Она уже хотела нажать кнопку съемки, но вдруг остановилась.

— Подождите, — сказала она и внимательно посмотрела на изображение.

— Что-то не так?

— Не знаю. Какой-то артефакт в левом нижнем углу. Сначала подумала — дефект бумаги, но...

Она сделала пробный кадр. Проявив кусочек пленки и загнав его в просмотрный аппарат, на мониторе они увидели едва заметный водяной знак — циркуль и наугольник, сплетенные вензелем с инициалами «Е П». Тот, который Дмитрий уже видел под лупой. Но Анастасия видела его впервые — и ее реакция была совсем другой.

— О господи, — прошептала она.

— Что? — Дмитрий подошел ближе, делая вид, что ничего не знает.

— Вы видите? Циркуль и наугольник. Масонский знак. А вот здесь, внутри вензеля — буквы. «Е» и римская цифра два. Екатерина Вторая.

Она оторвалась от монитора и посмотрела на Дмитрия. В ее глазах читалось не просто удивление — азарт, почти охотничий.

— Вы знали об этом? — спросила она.

— Знал, — признался Дмитрий. — Обнаружил вчера. Но не ожидал, что вы заметите так быстро.

— Я же говорю: у нас каждый день — детектив. — Она снова повернулась к просмотрному аппарату. — Но это еще не все. Посмотрите сюда.

Она переключилась в режим спектрального анализа — функция, о существовании которой Дмитрий даже не подозревал. На экране появилось изображение документа в ультрафиолетовом диапазоне, и там, где обычный свет не показывал ничего, проступили дополнительные детали: тонкие линии, соединяющие водяной знак с краями листа, и едва заметные цифры, вписанные в орнамент.

— Это не просто водяной знак, — медленно произнесла Анастасия. — Это метка. Или даже... карта?

Дмитрий склонился над монитором. Линии действительно напоминали схему — не то план здания, не то маршрут. Они расходились от центрального символа к краям, образуя подобие координатной сетки.

— Вы можете сохранить это изображение? — спросил он.

— Уже сохранила. И в обычном спектре, и в ультрафиолете.

— И никому не говорите. Пока.

Она подняла на него глаза.

— Думаете, это что-то серьезное?

— Пока не знаю. Но у меня есть основания полагать, что этот документ может быть связан с тайной, которую кто-то очень хотел скрыть. И если о нашей находке узнают раньше времени...

Он не договорил. Анастасия кивнула — она поняла.

4. Разговор в лаборатории

Они сделали перерыв. Ольга Степановна еще не вернулась, и в цокольном этаже царила тишина, нарушаемая только гулом вентиляторов. Анастасия заварила чай в маленьком чайнике, стоявшем на подоконнике, и протянула Дмитрию пластиковый стаканчик.

— Рассказывайте, — сказала она. — Что вы еще нашли?

Дмитрий колебался. С одной стороны, он едва знал эту девушку — они познакомились всего пару часов назад. С другой — она уже увидела то, что видел он, и ее профессиональное любопытство было очевидно. Кроме того, ее навыки работы с оборудованием могли пригодиться. Спектральный анализ, распознавание скрытых изображений — все это было за пределами его компетенции.

— Хорошо, — сказал он. — Но сначала — обещайте, что это останется между нами.

— Обещаю.

Он рассказал ей все: о странной записи в описи 1941 года, о «ключе от двенадцатой комнаты», о заложенной двери в восточном флигеле Путевого дворца, о легенде, которую пове-

дала Анна Калинина. И о своем деде — Иване Петровиче Соболеве, архивисте, пропавшем без вести в октябре сорок первого, чья подпись стояла на некоторых документах из того же дела.

Анастасия слушала молча, не перебивая. Когда он закончил, она некоторое время сидела неподвижно, глядя на монитор с застывшим изображением масонского знака.

— Знаете, что я думаю? — сказала она наконец. — Ваш дед не просто видел этот документ. Он его спрятал.

— В каком смысле?

— Лист с водяным знаком вшит в опись 1941 года, верно? Но бумага и чернила — восемнадцатого века. Значит, этот лист существовал задолго до войны. Кто-то хранил его отдельно, а потом, в сорок первом, когда началась эвакуация и все смешалось, вшил в дело. Зачем? Чтобы спрятать на виду. Среди сотен других документов он не привлекал внимания — обычная опись, ничего особенного. Но тот, кто знал, что искать, мог найти.

— И вы думаете, это сделал мой дед?

— Кто-то из сотрудников архива, имевших доступ к документам. Ваш дед — самый вероятный кандидат. Особенно если учесть, что он пропал без вести сразу после составления этой описи. Возможно, он понял, что за ним следят, и решил спрятать улику так, чтобы ее нашел только тот, кто будет искать целенаправленно.

Дмитрий задумался. В ее словах была логика. Иван Петрович Соболев работал в архиве, имел доступ к фондам, участвовал в эвакуации. У него были и мотив, и возможность. Но что именно он прятал? И от кого?

— А линии на ультрафиолетовом снимке? — спросил Дмитрий. — Что они означают?

Анастасия развернула изображение на весь экран.

— Смотрите. Они образуют подобие плана. Вот здесь, в центре — сам знак, циркуль и наугольник. От него отходят четыре линии — на север, юг, запад и восток. На концах линий — маленькие символы. Вот этот похож на крест, этот — на круг, этот — на квадрат. А здесь — что-то вроде короны.

— Масонская символика?

— Вероятно. Но главное не это. Главное — пропорции. Если наложить эту схему на план Путевого дворца...

Она не договорила. В коридоре послышались шаги — Ольга Степановна возвращалась. Анастасия быстро свернула изображение и переключила монитор в рабочий режим.

— Продолжим позже, — шепнула она. — У меня есть кое-какие мысли. Дайте мне время до вечера.

Дмитрий кивнул.

5. Вечерние тени

Остаток дня прошел в рутинной работе. Анастасия продолжала снимать документы, Дмитрий помогал с сортировкой и следил за сохранностью оригиналов. Ольга Степановна несколько раз заходила проверить, как идут дела, но, к счастью, не задавала лишних вопросов. К шести вечера они закончили первую партию — тридцать дел, около тысячи двухсот листов.

— На сегодня хватит, — сказала Ольга Степановна, собираясь. — Завтра продолжим. Настя, ты идешь?

— Я еще задержусь, — ответила Анастасия. — Нужно проверить качество съемки на нескольких кадрах. Вы идите, я закрою.

Ольга Степановна пожала плечами и ушла. Дмитрий тоже собрался уходить, но Анастасия жестом остановила его.

— Подождите. Я хотела вам показать кое-что.

Она дождалась, пока шаги в коридоре стихнут, и снова открыла изображение с водяным знаком. На этот раз она наложила на него прозрачный слой — отсканированный план Путевого дворца из путеводителя, который Дмитрий упоминал в разговоре.

— Смотрите. Центральный символ — циркуль и наугольник — ложится точно на восточный флигель. Вот здесь, — она указала на точку, — церковь Святой Екатерины. Линия, идущая на восток, упирается в алтарную часть. Линия на запад — в двухсветный зал. На север — в парадную лестницу. На юг — в сад.

— И что это значит?

— Это не просто водяной знак. Это ключ. Буквально — схема, указывающая, где искать вход в двенадцатую комнату. Вернее, не вход — саму комнату. Смотрите: каждая линия заканчивается символом. Крест — это церковь, корона — парадный зал, круг — возможно, ротонда или что-то подобное. А квадрат...

— Квадрат — это сама комната?

— Возможно. Если наложить схему на план, квадрат оказывается в той части восточного флигеля, где вы с Анной нашли заложенную дверь.

Дмитрий почувствовал, как сердце забилося чаще. Все сходилось. Слишком хорошо сходилось, чтобы быть случайностью.

— Но это еще не все, — продолжала Анастасия. — Я проверила другие листы из этого дела в ультрафиолете. На трех из них есть похожие метки — не такие явные, но все же. Вот, смотрите.

Она открыла еще несколько изображений. На каждом — едва заметные линии и символы, проступающие только в ультрафиолетовом спектре. Сложенные вместе, они образовывали нечто вроде инструкции: последовательность шагов, поворотов, ориентиров.

— Это похоже на масонский ритуал, — сказала Анастасия. — Я немного изучала эту тему в университете. У вольных каменщиков было принято кодировать информацию в символах, понятных только посвященным. Циркуль и наугольник — символы мастера, третьей степени. Крест, круг, квадрат, корона — элементы масонской космологии. А само путешествие по этим ориентирам — это, вероятно, символическое восхождение к тайному знанию.

— Откуда вы все это знаете?

Она усмехнулась.

— Говорю же: в архивах каждый день — детектив. Когда работаешь со старыми документами, волей-неволей начинаешь разбираться в символике. Масонство, розенкрейцерство, мартинизм — в восемнадцатом веке этим была пропитана вся интеллектуальная элита. Екатерина II, кстати, поначалу симпатизировала масонам, хотя позже, после Французской революции, начала гонения. Но это не мешало ей использовать масонскую символику для своих целей.

Дмитрий задумался. Если Анастасия права, то они держат в руках не просто исторический курьез, а настоящую карту сокровищ. Только сокровища эти — не золото и не драгоценности, а информация. Манифест императрицы, спрятанный в потайной комнате Путевого дворца.

— Что будем делать? — спросила Анастасия.

— Нужно проверить, — ответил Дмитрий. — Съездить во дворец, сопоставить схему с реальной планировкой. У меня есть знакомая реставратор, Анна Калинина. Она поможет.

— Я с вами.

— Уверены? Это может быть опасно.

— После того, что я увидела на этих снимках, я просто не могу остаться в стороне. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Кроме того, если ваш дед действительно спрятал этот документ, значит, он хотел, чтобы кто-то его нашел. Может быть, именно вы.

Дмитрий промолчал. Он думал о том же.

6. Ночной звонок

Они договорились встретиться завтра утром у Путевого дворца. Анастасия пообещала взять с собой ноутбук с сохраненными изображениями и портативный ультрафиолетовый фонарь — на всякий случай. Дмитрий вышел из архива около восьми вечера, когда на город уже опустились октябрьские сумерки.

Улица Вокзальная была пустынна. Редкие прохожие спешили по домам, пряча лица от холодного ветра с Волги. Дмитрий поднял воротник пальто и зашагал к остановке. Он не заме-

тил черный внедорожник, припаркованный через дорогу, и не увидел, как из него вышел человек в темном пальто и направился следом.

Телефон зазвонил, когда он уже подходил к дому. Номер был незнакомый.

— Дмитрий Андреевич? — Голос в трубке был мужской, низкий, с едва уловимой угрозой. — Это вас беспокоят из отдела безопасности архивного управления. Мы бы хотели задать вам несколько вопросов относительно вашей работы с фондом Р-136.

Дмитрий остановился. Сердце пропустило удар.

— Какие вопросы? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Лучше обсудить это лично. Завтра в десять утра, управление на Советской. Пропуск будет заказан на ваше имя.

— Я занят завтра.

— Это не просьба, Дмитрий Андреевич. Это требование.

В трубке раздались короткие гудки.

Дмитрий постоял еще несколько секунд, глядя на погасший экран телефона. Потом поднял голову и посмотрел по сторонам. Улица была пуста, но ему вдруг показалось, что за ним наблюдают. Он быстро вошел в подъезд, захлопнул дверь и, не дожидаясь лифта, бегом поднялся на четвертый этаж.

В квартире он первым делом проверил замки и задернул шторы. Потом набрал Анну.

— Аня, это Дмитрий. У нас проблемы.

Он рассказал ей о звонке. Анна выслушала молча.

— Отдел безопасности архивного управления, — повторила она, когда он закончил. — Я никогда о таком не слышала.

— Я тоже. Думаю, это люди Куратора.

— Куратора?

— Помнишь, я рассказывал о деле Кольцова? О коллекционере, который охотился за архивными документами в девяностые? Кольцов называл его Куратором. Возможно, он до сих пор действует. И возможно, ему стало известно о нашей находке.

В трубке повисла пауза.

— Завтра в десять ты должен быть во дворце, — сказала наконец Анна. — У нас нет времени на допросы. Я поговорю с Кольцовым, может, он что-то посоветует. А ты пока никуда не ходи один. Понял?

— Понял.

Он положил трубку и долго сидел в темноте, глядя на огни города за окном. Где-то там, в ночной Твери, люди, называющие себя «отделом безопасности», ждали его завтрашнего визита. Но он не придет. Вместо этого он отправится в Путевой дворец, чтобы найти двенадцатую комнату императрицы.

И будь что будет.

7. Анастасия

В то же время, когда Дмитрий разговаривал с Анной, Анастасия Радостева сидела в своей съемной квартире на проезде Швейников и рассматривала сохраненные снимки. Она не стала говорить Дмитрию всего, что заметила. Не потому, что не доверяла ему — просто хотела сначала убедиться сама.

На ультрафиолетовом снимке, помимо линий и символов, она разглядела еще кое-что. В самом низу листа, почти у края, где бумага была особенно тонкой, проступали едва заметные буквы. Не написанные чернилами, а выдавленные — словно кто-то водил по бумаге тупым стилосом, оставляя бесцветные бороздки.

Она увеличила изображение до предела. Буквы складывались в слова — на французском языке.

«Cherchez la douzième chambre, et vous trouverez la vérité que l'impératrice a cachée pour les générations futures. Mais méfiez-vous de ceux qui portent l'aigle à deux têtes sans couronne.»

«Ищите двенадцатую комнату, и вы найдете истину, которую императрица спрятала для будущих поколений. Но остерегайтесь тех, кто носит двуглавого орла без короны.»

Анастасия откинулась на спинку стула. Двуглавый орел без короны. Она знала этот символ. В масонской геральдике двуглавый орел, лишенный корон, обозначал тайную ложу, не подчиняющуюся официальным властям, — «дикую ложу», как их называли. И если такие люди до сих пор существуют...

Она закрыла ноутбук и подошла к окну. На улице было темно, только редкие фонари разбрасывали желтые круги света по мокрому асфальту. Где-то вдалеке прогудел тепловоз — долгий, тоскливый звук, похожий на стон.

Завтра она встретится с Дмитрием и Анной. И, возможно, они вместе найдут то, что императрица спрятала двести пятьдесят лет назад. Или то, что убьет их всех.

Анастасия задернула шторы и легла спать. Но еще долго ворочалась, глядя в потолок и прокручивая в голове одни и те же слова: «Остерегайтесь тех, кто носит двуглавого орла без короны».

Она не знала, что один из таких людей уже следил за ней с противоположной стороны улицы.

Глава 3. Двенадцатая комната

1. Утро на Соборной площади

Утро среды выдалось пасмурным и ветреным. Низкие тучи, набухшие невылившимся дождём, ползли над Тверью, цепляясь за купола соборов и шпили старинных колоколен. С Волги тянуло промозглой сыростью, и даже голуби, обычно заполнявшие Соборную площадь, попрятались под карнизами зданий.

Дмитрий пришёл первым. Он встал у главных ворот Путёвого дворца, подняв воротник пальто и засунув руки глубоко в карманы. Спал он плохо — всю ночь ворочался, прокручивая в голове вчерашний звонок и слова незнакомца с угрожающим голосом. «Это не просьба, Дмитрий Андреевич. Это требование». Кто эти люди? Чего они хотят? И главное — откуда они узнали о его работе с фондом Р-136 так быстро?

Он не пошёл на встречу в управление. Вместо этого в половине девятого утра он уже стоял у дворца, ожидая Анну и Анастасию. Телефон он отключил — на всякий случай. Если за ним следят, пусть думают, что он испугался и затаился. А он пока займётся тем, ради чего всё это началось: найдёт двенадцатую комнату императрицы.

Анна появилась без пяти девять. Она вышла не из главного входа, а из боковой калитки, ведущей в служебный двор, и быстрым шагом направилась к Дмитрию. На ней была тёплая куртка, на плече — объёмная сумка, из которой торчал штатив от фотоаппарата.

— Доброе утро, — сказала она, останавливаясь рядом. Голос у неё был бодрый, но в глазах читалась тревога. — Ты как? Не передумал?

— Нет. — Дмитрий покачал головой. — Наоборот. Чем больше они давят, тем яснее — мы на верном пути.

— Кольцов сказал то же самое, — кивнула Анна. — Я ему вчера позвонила, всё рассказала. Он обещал помочь, но просил быть осторожными. Сказал, что люди, которые звонили тебе, скорее всего, не из архивного управления. Это частная охранная структура, связанная с коллекционером, о котором он рассказывал. Тем самым Куратором.

— Частная охранная структура? — переспросил Дмитрий. — Откуда у них такие возможности?

— Деньги, — коротко ответила Анна. — У Куратора их много. Он владелец крупной логистической компании, а ещё — потомок старого дворянского рода, который веками коллекционировал исторические документы. Кольцов говорил, что в девяностые Куратор скупал архивы целыми фондами, особенно всё, что касалось екатерининской эпохи. Тогда-то Кольцов и вышел на его след.

— И чем закончилось?

— Ничем. Дело замяли, Кольцова отправили на пенсию. А Куратор продолжил свою деятельность, только ещё более осторожно. Теперь у него легальный бизнес, связи в министерствах, свои люди в музеях и архивах. И если он заинтересовался нашим фондом...

Она не договорила. От арки, ведущей с Советской улицы, к ним быстрым шагом приближалась Анастасия. В одной руке она несла ноутбук в чехле, в другой — небольшой рюкзак. Щёки у неё покраснелись от быстрой ходьбы.

— Извините, опоздала, — выдохнула она, подходя. — Автобус сломался, пришлось ждать следующий. Это вы Анна? — Она протянула руку. — Анастасия. Настя.

— Очень приятно. — Анна пожала руку и внимательно посмотрела на новую знакомую. — Дмитрий рассказал о вашей находке. Это впечатляет.

— Это ещё не всё, — сказала Анастасия, переводя дыхание. — Вчера вечером, когда я уже была дома, я нашла кое-что ещё. На том же листе, в ультрафиолете. Надпись на французском, выдавленная стилосом. «Ищите двенадцатую комнату, и вы найдёте истину, которую императрица спрятала для будущих поколений. Но остерегайтесь тех, кто носит двуглавого орла без короны».

— Двуглавый орёл без короны? — переспросила Анна. — Это же...

— Масонский символ, — кивнула Анастасия. — «Дикая ложа», не подчиняющаяся официальной масонской иерархии. Такие существовали в России в конце XVIII века, после того как Екатерина начала гонения на масонов. Они ушли в подполье, но сохранили свои ритуалы и символику. И, судя по надписи, они до сих пор существуют.

Дмитрий и Анна переглянулись.

— Значит, мы имеем дело не просто с исторической загадкой, — медленно произнесла Анна. — А с тайным обществом, которое охраняет эту загадку уже двести пятьдесят лет.

— Или ищет её, — добавила Анастасия. — Надпись предупреждает остерегаться «тех, кто носит двуглавого орла без короны». Значит, они — не хранители тайны. Они — её враги.

Дмитрий почувствовал, как по спине пробежал холодок. Тайные общества, масонские ложи, потомки дворян, охотящиеся за документами, — всё это звучало как сюжет приключенческого романа, а не как реальность тверского архивиста. Но факты были упрямы: документ с масонским знаком существовал, люди, угрожавшие ему по телефону, существовали, и заложенная дверь в восточном флигеле тоже существовала.

— Ладно, — сказал он. — Давайте не будем стоять на ветру. Анна, ты можешь провести нас во дворец? Нужно наложить схему Анастасии на реальную планировку и найти точное место, где должна быть двенадцатая комната.

— Могу, — кивнула Анна. — Только есть одна проблема. Сегодня во дворце санитарный день, посетителей нет, но сотрудники на местах. И среди них — Михаил, начальник службы безопасности.

— А что с ним не так?

— Он слишком любопытен. И слишком часто оказывается рядом, когда я работаю в восточном флигеле. Я не знаю, связан ли он с Куратором или просто выполняет свои обязанности, но... мне он не нравится.

Дмитрий вспомнил вчерашний звонок. Если Куратор действительно имеет своих людей в музеях и архивах, то Михаил вполне может быть одним из них.

— Будем осторожны, — сказал он. — Придумаем легенду. Анастасия — специалист по оцифровке архитектурных памятников, приехала из Петербурга, хочет снять восточный флигель для научной работы. Я — её ассистент. Анна — наш сопровождающий от музея.

— Сойдёт, — кивнула Анастасия. — У меня даже визитка есть, от «Инновационных технологий». Правда, там про микрофильмирование, но кто будет вчитываться?

Анна усмехнулась.

— Ладно. Пошли. Только держитесь рядом и не задавайте лишних вопросов при посторонних.

2. Возвращение во дворец

Они вошли через служебный вход, миновали пост охраны — пожилой вахтёр даже не поднял головы от кроссворда — и поднялись по узкой лестнице на второй этаж. В коридорах было пусто и тихо, только где-то вдалеке гудел пылесос да слышались приглушённые голоса уборщиц.

Анна провела их в небольшую комнату, служившую ей кабинетом-мастерской. Здесь, среди банок с лаками, рулонов холста и инструментов, стоял старый деревянный стол, заваленный бумагами и фотографиями. На стене висел большой план Путёвого дворца — копия архитектурного чертежа XIX века.

— Это самый подробный план, который у нас есть, — сказала Анна, указывая на чертёж. — Сделан в 1809 году, когда архитектор Карл Росси перестраивал дворец после пожара. Здесь отмечены все помещения, включая подвалы и чердаки.

Анастасия открыла ноутбук и вывела на экран сохранённое изображение с масонским знаком и линиями. Она увеличила схему и повернула ноутбук так, чтобы все трое могли видеть.

— Смотрите, — сказала она. — Центральный символ — циркуль и наугольник. При наложении на план он ложится точно на восточный флигель. Четыре линии — на север, юг, запад и восток. На концах — символы: крест, круг, квадрат, корона.

— Крест — это церковь Святой Екатерины, — сказала Анна, водя пальцем по плану. — Она примыкает к восточному флигелю с восточной стороны. Корона — вероятно, двухсветный зал, самое парадное помещение дворца. Круг... может быть, ротонда в западном флигеле? Но там сейчас склад. А квадрат...

— Квадрат должен быть на южной линии, — перебила Анастасия. — Если наложить схему точно, квадрат оказывается вот здесь. — Она указала на точку в восточном флигеле, между церковью и анфиладой жилых покоев. — В том месте, где вы, Анна, нашли заложенную дверь.

Анна склонилась над планом, потом перевела взгляд на Анастасию.

— Это совпадение не может быть случайным. Схема указывает именно туда.

— Но это ещё не всё, — продолжала Анастасия. — Я проанализировала пропорции линий. Они не случайны. Длина каждой линии соответствует определённому числу шагов, если считать в старорусских саженьях. От центральной точки до квадрата — ровно двенадцать саженьей.

— Двенадцать, — повторил Дмитрий. — Как номер комнаты.

— Именно. А теперь самое интересное. — Анастасия переключилась на другое изображение, с тремя дополнительными листами из дела, которые она проверила в ультрафиолете. — На этих листах тоже есть скрытые метки. Сложенные вместе, они образуют последовательность: «От образа Святой Екатерины — двенадцать шагов на полночь. Затем — три шага на восход. У стены, где кладка иная, ищи проход».

— «На полночь» — это на север, — перевела Анна. — «На восход» — на восток. Если начать от церкви, то двенадцать шагов на север приведут как раз к той стене, где мы нашли заложенную дверь.

— Значит, вход именно там, — заключил Дмитрий. — Нужно только понять, как его открыть.

Они замолчали. В комнате было тихо, только за окном шумел ветер да где-то в коридоре скрипнула половица.

Дмитрий первым нарушил молчание.

— Анна, ты говорила, что в нише за иконой Святой Екатерины на старом фото видна пустая выемка. Возможно, там лежал ключ. Если его там больше нет, может, есть другой способ открыть проход? Какая-нибудь потайная кнопка или рычаг?

— В масонской архитектуре часто использовались механические замки, скрытые в декоре, — сказала Анастасия. — Например, нажимная плита в полу, поворотный элемент в лепнине, фальш-книга на полке. Если комната была спроектирована масонами, то и замок должен быть масонским.

— В восточном флигеле сохранилась оригинальная лепнина, — задумчиво произнесла Анна. — И паркет. И несколько встроенных шкафов. Мы ещё не приступали к их реставрации, они законсервированы.

— Значит, нужно осмотреть всё это, — сказал Дмитрий. — Прямо сейчас.

3. Восточный флигель

Они вышли из кабинета и направились в восточный флигель. Анна шла первой, Дмитрий и Анастасия — за ней. В коридорах по-прежнему было пусто, но Дмитрию казалось, что за ними наблюдают. Он несколько раз оглядывался, но никого не видел.

Восточный флигель встретил их холодом и запахом старого дерева. Здесь ещё не работало отопление, и температура была немногим выше уличной. Анна включила свет — тусклые лампы под потолком осветили длинный коридор с дверями по обе стороны.

— Одиннадцать комнат, — сказала она, указывая на двери. — Спальня, кабинет, будуар, малая гостиная, большая гостиная, столовая, библиотека, гардеробная, комната для фрейлин, ванная, молельня. Все опечатаны до начала реставрации, но у меня есть ключи.

Она достала связку и отперла ближайшую дверь — в кабинет императрицы. Это была небольшая комната с одним окном, выходящим во внутренний двор. Стены очищены от поздней штукатурки, обнажая старую кирпичную кладку. В углу стоял законсервированный камин с лепным декором — амур, гирлянды, маскароны.

— Вот здесь, — Анна указала на камин, — оригинальная лепнина XVIII века. Реставраторы говорят, что под слоями краски могут быть скрытые элементы. Может, один из них — рычаг?

Анастасия подошла к камину и принялась внимательно рассматривать декор. Она достала из рюкзака маленький фонарик и портативную лупу с подсветкой — привычный инструмент оператора микрофильмирования.

— Смотрите, — сказала она через минуту. — Вот этот маскарон, в центре фриза. У него глаза не симметричны. Левый глаз чуть глубже правого. И вокруг него — микротрещины, словно эту деталь когда-то двигали.

Она протянула руку и осторожно нажала на левый глаз маскарона. Ничего не произошло. Тогда она попробовала нажать на правый — тот слегка подался внутрь, и где-то за стеной раздался тихий щелчок.

Все трое замерли.

— Что это было? — прошептал Дмитрий.

— Механизм, — ответила Анастасия. — Где-то здесь есть ответная часть. Нужно найти, что именно открылось.

Они принялись осматривать комнату. Стены, пол, потолок — всё казалось неподвижным. Анна проверила дверь в соседнюю комнату — та была заперта, как и прежде. Дмитрий обошёл камин, заглянул за него — ничего.

— Подождите, — сказала вдруг Анастасия. — В масонской символике нажатие на глаз означало «открыть зрение». То есть — обнаружить скрытое. Возможно, щелчок открыл не дверь, а что-то другое. Какую-то панель, за которой находится следующая подсказка.

Они снова принялись искать. На этот раз Анна обратила внимание на паркет. Он был набран из разных пород дерева — дуб, ясень, клён — и образовывал сложный геометрический узор. В центре комнаты, под люстрой, узор сходил в большую восьмиконечную звезду.

— Смотрите, — сказала она, указывая на один из лучей звезды. — Эта дощечка лежит неровно. И вокруг неё — царапины, словно её поддевали чем-то острым.

Дмитрий опустился на корточки. Действительно, одна из кленовых дощечек, образующих луч звезды, была чуть приподнята над остальными. Он попробовал подцепить её ногтем, но она не поддавалась.

— Нужен инструмент, — сказал он.

Анна достала из сумки тонкий шпатель, которым обычно работала с лепниной. Дмитрий аккуратно поддел дощечку, и та отошла с тихим скрипом. Под ней оказалось небольшое углубление, а в нём — металлическая пластина с выгравированным изображением.

Он достал пластину и поднёс к свету. На ней был выгравирован тот же символ, что и на водяном знаке, — циркуль и наугольник, сплетённые вензелем «Е П». А под ним — несколько строк на французском языке.

— «La clé est dans la lumière», — прочитала Анастасия. — «Ключ — в свете».

— В свете? — переспросила Анна. — Что это значит?

— Может быть, нужно посмотреть на пластину при определённом освещении? — предположил Дмитрий. — Как с ультрафиолетом?

Анастасия покачала головой.

— Нет. Думаю, это буквально. Ключ находится там, где свет. Где в этой комнате источник света?

— Окно, — сказала Анна. — И люстра. Но люстра новая, советская, её повесили в шестидесятых.

— Значит, окно.

Они подошли к окну. Оно выходило во внутренний двор, и сквозь мутное стекло пробивался тусклый дневной свет. Подоконник был широкий, мраморный, с потрескавшейся поверхностью. Анна провела рукой по краю, ища неровности.

— Здесь, — сказала она. — В торце подоконника есть небольшое отверстие. Словно для ключа.

Дмитрий заглянул в отверстие. Оно было круглое, диаметром около сантиметра, и уходило вглубь мрамора. Ключ, который мог бы туда подойти, должен был быть длинным и тонким — не похожим на обычные дверные ключи.

— Ключ, который хранился у образа Святой Екатерины, — пробормотал он. — Если его там больше нет, мы не сможем открыть этот замок.

— Может, и не нужен ключ, — сказала Анастасия. — Смотрите на пластину. «Ключ — в свете». Свет падает на подоконник только в определённое время дня, когда солнце находится под нужным углом. Возможно, световой луч, проходя через отверстие, должен указать на что-то.

— Но сейчас пасмурно, — возразила Анна. — Солнца нет.

— Зато у нас есть это. — Анастасия достала из рюкзака фонарик — с ультрафиолетом и регулируемым фокусом. — Я могу направить луч под тем же углом, под каким солнце светит в это время года.

Она отошла к окну, прикинула угол падения солнечных лучей в октябре и направила фонарик в отверстие. Узкий луч света прорезал полумрак комнаты и упёрся в противоположную стену.

— Ничего, — разочарованно сказала Анна. — Просто пятно света.

— Подождите. — Анастасия изменила фокус, сделав луч максимально узким. — В октябре солнце в Твери находится под углом примерно двадцать пять градусов к горизонту в полдень. Значит, луч должен падать... вот так.

Она чуть опустила фонарик, и луч скользнул по стене, пока не остановился на одном из декоративных элементов — небольшой розетке в углу потолка.

— Вот, — выдохнула она. — Видите? Розетка.

Они подошли ближе. Розетка была лепная, в виде стилизованного цветка с восемью лепестками. В центре её виднелось небольшое отверстие, точно такое же, как в подоконнике.

— Два замка, — сказал Дмитрий. — Один на полу, второй на потолке. Нужно активировать оба одновременно.

— Или последовательно, — добавила Анастасия. — Сначала свет указывает на розетку. Может быть, в розетке тоже есть какой-то механизм.

Анна принесла стремянку из коридора и поднялась к потолку. Она внимательно осмотрела розетку, потрогала лепестки, и один из них слегка покачнулся. Она нажала — и снова где-то за стеной раздался щелчок.

— Есть! — воскликнула она. — Теперь нужно активировать оба механизма. Дмитрий, ты у подоконника. На счёт три нажимаем одновременно.

Они заняли позиции. Анна на стремянке, Дмитрий у подоконника.

— Раз. Два. Три.

Дмитрий нажал на отверстие в подоконнике тонким шпателем, Анна одновременно нажала на лепесток розетки. Раздался двойной щелчок, а затем — низкий, утробный скрежет, от которого завибрировал пол.

Часть стены, примыкающая к камину, медленно, со скрипом, отошла внутрь, открывая тёмный проём.

Дмитрий, Анна и Анастасия замерли, глядя в черноту.

4. За порогом

— Получилось, — прошептала Анна. — Она существует. Двенадцатая комната.

Проём был узким — едва достаточным, чтобы протиснуться боком. Из него тянуло холодом и сыростью, а ещё — странным запахом, который Дмитрий не мог идентифицировать: не плесень, не старая штукатурка, а что-то другое, почти забытое. Так пахнут очень старые книги, пролежавшие в герметичном хранилище десятилетиями.

— Нужно посмотреть, что там, — сказал он.

— Подожди. — Анна остановила его. — Сначала — свет.

Она достала из сумки мощный фонарь и направила луч в проём. Тот осветил узкий коридор, уходящий куда-то вглубь стены. Коридор был выложен кирпичом, на полу — каменные плиты, покрытые пылью. В конце коридора угадывалось расширение — вероятно, сама комната.

— Я пойду первой, — сказала Анна. — Я знаю дворец лучше всех. Дмитрий — за мной. Настя — последней. Если что-то пойдёт не так, сразу назад.

Они протиснулись в проём. Коридор оказался длиннее, чем выглядел снаружи, — метров пять, не меньше. Стены здесь были грубо оштукатурены, без всякого декора, словно это был технический проход, не предназначенный для посторонних глаз. На потолке виднелись следы копоти — возможно, от факелов или свечей.

— Здесь давно никого не было, — сказала Анастасия, освещая стены фонариком. — Смотрите, паутина. И пыль нетронутая.

— Это хорошо, — отозвался Дмитрий. — Значит, Куратор и его люди здесь ещё не побывали.

Коридор закончился арочным проёмом, за которым открывалось небольшое помещение — примерно три на четыре метра. Анна первой шагнула внутрь и ахнула.

Комната была обставлена. У стены стоял массивный дубовый стол, покрытый слоем пыли. На столе — бронзовый подсвечник с огарком свечи, чернильница с засохшими чернилами и несколько гусиных перьев. Рядом — стопка бумаг, перевязанная выцветшей лентой. У противоположной стены — небольшой книжный шкаф с застеклёнными дверцами, за кото-

рыми виднелись корешки старинных книг. Над шкафом висел потемневший портрет в тяжёлой раме — женщина в императорской короне, с властным, но печальным лицом. Екатерина II.

— Боже мой, — прошептала Анастасия. — Это же... это нетронутый интерьер восемнадцатого века. Как такое могло сохраниться?

— Её личная комната, — сказала Анна, оглядываясь. — Двенадцатая. Та, которой не было на планах. Здесь она работала над документами, которые не хотела показывать даже приближённым.

Дмитрий подошёл к столу. Его взгляд упал на стопку бумаг. Он осторожно, едва касаясь, приподнял верхний лист. Это было письмо — на французском, написанное тем же изящным почерком, что и странная запись в описи. Подпись внизу: «Catherine».

— Это её рука, — сказал он. — Екатерина писала это лично.

— Что там? — спросила Анастасия, подходя ближе.

Дмитрий начал переводить, медленно разбирая выцветшие строки:

— «Дражайший князь. Я получила Ваше послание и разделяю Ваши опасения. Время, в которое мы живём, требует от нас не только мудрости, но и осторожности. Идеи, которые я некогда считала благотворными, ныне обернулись угрозой для престола и государства. Однако я не могу отречься от того, во что верила. Посему я оставляю сии бумаги здесь, в месте, известном лишь немногим, в надежде, что когда-нибудь, в иные времена, они будут найдены и прочтены теми, кто сумеет понять...»

Он замолчал, не в силах продолжать. Анна и Анастасия стояли рядом, затаив дыхание.

— Что она оставила? — спросила наконец Анна.

Дмитрий осторожно отложил письмо и взял следующий лист. Это был не просто документ — это был манифест. Заголовок гласил: «Наставление о управлении государством, писанное собственноручно Ея Императорским Величеством Екатериною Второю для потомков, коим предстоит нести бремя власти».

— Манифест — прошептал он. — О котором ходили легенды. Альтернативная версия «Наказа». Она действительно существует.

Он хотел продолжить чтение, но в этот момент где-то позади, в коридоре, послышался звук. Не скрежет, не шорох — тяжёлые, уверенные шаги.

Кто-то шёл по потайному проходу.

5. Непрошенные гости

Анна первая среагировала. Она схватила Дмитрия за руку и потянула в тёмный угол комнаты, за книжный шкаф. Анастасия, не дожидаясь команды, нырнула следом, прижимая к

грудь ноутбук. Дмитрий едва успел сунуть манифест за пазуху — сворачивать и прятать было некогда.

Шаги приближались. В арочном проёме показалась фигура — высокий мужчина в тёмном пальто, с фонарём в одной руке и пистолетом в другой. Дмитрий узнал его — человек, который следил за ним от архива два дня назад. А за ним, чуть позади, шёл ещё один — пониже, коренастый, с бычьей шеей и маленькими злыми глазами.

— Здесь, — сказал первый, освещая комнату фонарём. — Я же говорил, они найдут проход.

— Вижу, — отозвался второй. — Но где они сами?

Фонарь скользнул по столу, по шкафу, по портрету Екатерины. Луч замер на книжном шкафу, за которым прятались Дмитрий, Анна и Анастасия.

— Выходите, — сказал первый спокойно, почти лениво. — Мы знаем, что вы здесь. Деваться вам некуда.

Дмитрий почувствовал, как Анна сжала его руку. Анастасия замерла, стараясь даже не дышать. Тишина в комнате стала звенящей, и в этой тишине отчётливо прозвучал щелчок взводимого курка.

— Я сказал: выходите. Или мы будем стрелять.

Дмитрий понял, что выбора нет. Он медленно поднялся, держа руки на виду, и шагнул из-за шкафа. Анна и Анастасия последовали за ним.

— Вот так-то лучше, — усмехнулся первый. — А теперь — документы. То, что вы нашли на столе. Отдайте, и, возможно, останетесь живы.

— Кто вы? — спросил Дмитрий, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Неважно. Важно то, что вы нашли то, что вам не следовало находить. И теперь у вас есть два пути: отдать документы и забыть об этом месте, или... — Он многозначительно повёл стволом пистолета.

— Вы работаете на Куратора, — сказала Анна. — На Оболенского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.